

УДК 94(571.1).083
DOI: 10.17223/19988613/59/2

Е.М. Гостюшева, В.А. Должиков

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

В статье предпринимается попытка идентифицировать конфессиональный состав народонаселения Томской губернии на основе данных Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. Данные переписи населения 1897 г. свидетельствуют о том, что на территории Западной Сибири в конце XIX в. ассимиляционная христианизация автохтонного населения в несколько опережающем темпе совпадает с аналогичным общеимперским процессом. По вероисповеданию группы населения губернии распределялись следующим образом: официальное (никонианское) православие исповедовало 90,4% жителей, последователи старообрядческого православия – 5,14%, представители других христианских деноминаций – 0,58%, мусульмане – 2,09% жителей губернии.

Ключевые слова: этнорелигиозный ландшафт; конфессии; Томская губерния; Всероссийская перепись населения.

На протяжении своей многовековой истории Юго-Западная Сибирь как составная часть Российской империи была местом интенсивного взаимодействия самых разных конфессий и этносов. На ее пространствах мирно сосуществовали более чем 40 религиозных объединений и свыше 100 народностей. Сложившаяся за имперский период модель относительно гармоничного межконфессионального сожительства приобретает особую значимость в настоящее время, когда происходит глубокая трансформация общественного сознания, а усиливающиеся межэтнические противоречия грозят перерасти в открытые конфликты. Все это свидетельствует об актуальности научного анализа проблем, связанных с историей этноконфессиональных отношений в регионе конца XIX – начала XX в. Детальное их изучение позволит, на наш взгляд, не только понять процессы, которые развивались в те годы, но и может способствовать поиску адекватных ответов на вызовы современной ситуации.

В течение длительного времени российская государственная власть не располагала объективными статистическими данными об этноконфессиональном составе народонаселения. Подушные ревизии, введенные указом Петра I от 26 ноября 1718 г. и осуществлявшиеся в стране почти 150 лет, выполняли главным образом фискальную функцию, учитывая лишь податные сословия. Общая численность жителей, в особенности на периферии страны, по этим данным также устанавливалась приблизительно. Только поголовный учет подданных должен был определить реальное их количество. С этой целью и проводилась первая в отечественной истории статистическая перепись населения страны. В соответствии с Высочайше утвержденным в 1895 г. «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» анкетный опрос подданных намечалось провести в один день – 28 января 1897 г. [1. С. 8–9].

К тому времени подобная практика была уже апробирована во многих городах страны в форме локальных однодневных переписей населения. Такие переписи,

в частности, проводились: в Москве – в 1871 и 1882 гг.; в Петербурге – в 1864, 1869, 1881 и 1890 гг.; в Твери – 1869 г.; во всех городах Псковской губернии; в Челябинске, Верхнеуральске и Петрокове – в 1870 г.; в городах Войска Донского, Екатеринославле, Одессе, Екатеринбурге, Тобольске и Житомире – в 1873 г.; во Владимире, Казани и Киеве – в 1874 г.; в Оренбурге и Вильне – в 1875 г.; в Омске – в 1877 г.; в Иркутске – в 1879 и 1883 гг.; в Смоленске, Варшаве, Петроковке, губерниях Остзейского края – в 1881 г.; в Ченстохове, Батуме, Калише, Тобольске, Новгороде, Череповце – в 1882 г.; в городах Области Войска Донского – в 1883 г.; в Тюмени, Ялуторовске – в 1886 г.; в Евпатории, Херсоне и во всех городах Псковской губернии – в 1887 г.; в Царево – в 1889 г.; в Батуми – в 1890 г.; в Астрахани – в 1891 г.; в Одессе – в 1892 г.; в Ялте – в 1894 г.; в Барнауле – в 1895 г. и т.д. [1. С. 5–6].

Всеобщая перепись населения стала главным источником для формирования базы данных официальной статистики Российской империи рубежа XIX–XX вв., позволяя выявить реальную численность и поселенческую структуру населения. Как источник демографической информации она определяла фактически все показатели народонаселения губерний и областей, включая фиксацию вероисповедания, родного языка, сословного статуса, брачного состояния, места рождения и проживания, уровня грамотности, рода хозяйственных занятий опрашиваемых. Полученные с помощью переписи статистические данные приобретали поистине уникальную ценность, так как из других административных источников того времени достоверную информацию подобного рода извлечь было невозможно.

Результаты переписи публиковались в течение 1899–1905 гг. отдельными 89 томами (119 книгами) в соответствии с административным делением Российской империи на губернии и области. Каждый выпуск сопровождался предисловием директора Центрального статистического комитета Н.А. Тройницкого и содер-

жал 25 таблиц основного статистического материала. Что же касается сведений конкретно по Томской губернии, то они были опубликованы в 79-м томе данного издания [2].

Всероссийской переписи 1897 г. посвящено довольно большое количество дореволюционных и современных исследований. Демографические данные, полученные в результате анкетирования по всей империи и отдельным ее регионам в определенный хронологический интервал или в динамике, анализируются в работах Н.В. Алексеенко, Н.Д. Борщик, А.М. Жаркеновой, А.М. Мамырханова, С.Д. Морозова, В.И. Пронина, А.Г. Рашина и других авторов [3–11]. Научную ценность материалов общеимперской переписи населения 1897 г. в своих публикациях отмечают Е.В. Карих, М.В. Маркова, Л.И. Шерстова, Е.А. Шершнева и другие современные исследователи-этнологи [12–16]. Несмотря на субъективный характер статистического материала (все сведения фиксировались исключительно со слов опрашиваемого без документального подтверждения, не всегда точны ответы на вопросы переписного листа, расхождение данных с официальным текущим учетом населения и т.д.), многие авторы отмечают ценность самой переписи населения и содержания ее материалов как исторического источника. Определенную научную значимость как отдельный предмет изучения представляют методы, применявшиеся при обработке данных анкетирования и устных опросов населения империи [1, 17, 18]. Кроме характеристики численности наличного населения, статистический материал этой переписи до сих пор широко используется отечественными демографами для характеристики особенностей поселенческой структуры в регионах Российской империи [5, 6, 19–21].

Собственно же регионоведческая литература представлена работами В.А. Скубневского [21–24]. На основе данных переписи 1897 г. им опубликован цикл статей, в которых анализируется социальный и этнический состав населения Сибири. Автор подробно рассматривает демографическую структуру городского населения, купечества, польской диаспоры в территориальных границах Юго-Западной Сибири. Отдельная его работа посвящена анализу специфики народонаселения Алтайского горного округа [24].

С привлечением статистических данных Всероссийской переписи населения 1897 г. вышеназванные авторы провели уже объемную реконструкцию процессов межэтнического взаимодействия на пространстве дореволюционной Томской губернии. Тем не менее исследование, в котором бы специально рассматривался конфессиональный состав населения региона в границах имперского периода в целом, до сих пор отсутствует. Наличие данной лакуны в отечественной регионоведческой и религиоведческой литературе представляется очевидным и дополнительно свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения данной темы.

На наш взгляд, необходим анализ многосложного конфессионального состава народонаселения Томской

губернии с использованием современных методов научного анализа. Поэтому свой выбор авторы делают в пользу институционального подхода к теме, позволяющего изучать действовавшие в Российской империи конфессии как исторически сложившиеся общественные образования, занимавшие определенное место в системе длительного интеграционного взаимодействия локальных этнических групп. Самоидентификацию ими своей религиозной принадлежности можно, по-видимому, объяснить влиянием целого комплекса социально-исторических факторов. Их учет позволяет выделить существенные черты религиозной культуры как самих этноконфессиональных сообществ, так и отдельных индивидов. Понятийно-терминологический инструментарий, использующийся в исследовании, обусловлен междисциплинарной спецификой темы. Авторы статьи стремились учитывать теоретические разработки современного религиоведения и регионоведения, истории повседневности, социологии и этнологии. Полагаем, что лишь комплексное изучение феноменов религиозного свойства может и должно способствовать более глубокому пониманию сущности процессов, развивавшихся в сфере межэтнических взаимоотношений в достаточно крупном регионе, каким, бесспорно, являлась дореволюционная Томская губерния.

К концу XIX в. составе Томской губернии находились семь округов: Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский с общей численностью населения 1 927 тыс. человек [2. С. 17]. Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют о росте общей численности населения губернии. Основным фактором – это поощряемые имперским правительством довольно массовые миграции конца XIX в. из европейской части страны. С этой целью в 1881 г. были подготовлены «Временные правила для переселения крестьян», которые вводили разрешительный принцип переселения в Сибирь. 13 июля 1889 г. императором Александром III утверждаются «Правила о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Причем действие данного законодательного акта распространяется в 1890 г. впервые на Алтайский округ, управляемый Кабинетом ЕИВ. Параллельно с 1871 г. велась разработка законодательных актов о сибирском землеустройстве, которая завершается после утверждения императором Николаем II соответствующего закона от 23 мая 1896 г. Последующие нормативные акты лишь уточняли саму процедуру землеустройства на территории Томской губернии [25. С. 4].

Из всех ее округов самыми населенными являлись земли бывшего Алтайского горнозаводского ведомства в окрестностях Барнаула, Бийска и Томска. Так, в Барнаульском округе проживало 584 100 чел., или 30,3% населения всей губернии, в Бийском – 337 007 чел. (17,4% населения губернии). Далее по мере убывания численности жителей значились остальные округа: Томский – 277 135 чел., Змеиногорский – 242 718 чел., Каинский – 187 147 чел., Кузнецкий – 161 799 чел. По-

следнее место среди них занимал Мариинский округ, в котором проживало всего 7,1% населения губернии, а именно 137 773 чел. [2. С. 5].

Российская империя к концу XIX в. сформировалась как государство, в котором численно преобладала «титутельная» народность. Другие «племена» могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, которые не угрожали территориальной целостности государства. Однако при этом имперской властью неуклонно поддерживалось единство законодательства, системы управления и государственного языка. Тенденции общеимперского характера четко прослеживались в Томской губернии, где большинство жителей (86,01%) признавали себя русскими (православными по вероисповеданию). Второе место по численности занимали украинцы (5,15%), а третье – татары (4,94%). От одного процента и менее составляли киргиз-кайсаки (казахи) – 24 343 человек, или 1,28% от всего населения губернии, мордва (0,76%), иудеи (евреи) (0,4%), поляки (0,33%), белорусы (0,24%), латыши [2. С. 10].

Имперская государственно-конфессиональная политика была направлена на закрепление доминантной роли православия по отношению к другим неправославным и нехристианским вероисповеданиям. В этом смысле нормативно-правовая база конца XIX в. формализует иерархическую структуру официально признаваемых конфессий, что находит подтверждение в материалах переписи 1897 г. Абсолютное большинство населения губернии, согласно ее данным, исповедовало синодальное православие (90,4%). Второе место здесь, в отличие от общеимперской статистики, принадлежало последователям «раскола», т.е. православным старообрядцам (5,14%), третье место занимали мусульмане (2,09%) и не более одного процента населения представляют другие христианские деноминации (0,58%) [2. С. 12].

Этнорелигиозный ландшафт округов Томской губернии отличался разнообразием. Как и вся Сибирь, она стала новой родиной для мигрантов из Европейской России, представляя собой образец полиэтнического смешения больших и малых народностей. При участии самых разных народностей здесь сложилась своеобразная этнокультурная мозаика. Почти не освоенная, но богатая природными ресурсами территория Юго-Западной Сибири привлекала экономически активное население, в том числе из ранее освоенных зауральных губерний.

Спасаясь от нараставшего крепостнического гнета, сюда бежали черносошные (государственные), монастырские и помещичьи крестьяне. Все они, согласно казенной терминологии, назывались «гулящими людьми». Кроме них в Сибирь прибывали завербованные воеводами местных городов посадские люди и крестьяне из северных уездов, а также водворенные на жительство ссыльнопоселенцы. Массовый социальный слой, доминирующий в русском населении, к концу XVII в. и в XVIII в. здесь уже составляли не государе-

вы служилые люди, а предприимчивые крестьяне и ремесленники, занимавшиеся сельскохозяйственным производством и традиционными промыслами.

В XIX столетии на территории Томской губернии существовали уже ареалы компактного проживания не только русских, украинцев и белорусов (православных и униатов), но и татар, поляков, цыган, мордвы, зырян, евреев, латышей, немцев и др. Так, появление здесь представителей различных конфессий западного христианского толка обусловлено функционированием «кабинетского» производственного комплекса в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе.

В Томской губернии давно проживали аборигенные автохтонные народности, этноконфессиональное происхождение которых было самым разным. Тюркское население было, в частности, представлено сибирскими татарами, кумандинцами, телеутами, карагасами, а также довольно многочисленной этнической группой казахов [13. С. 5]. При этом заметно увеличивалась численность местных тюрков, что было связано с переселением на территорию губернии в пореформенный период поволжских татар, исповедовавших ислам. В целом среднегодовые темпы прироста мусульманского населения в губернии за XVIII в. составили около 0,5%, в первой половине XIX в. – всего 0,3%, зато во второй половине XIX в. они достигли 1,1%. В Томской губернии, согласно переписи 1897 г., вновь прибывших татар проживало 9 423 чел. [14. С. 101]. В течение длительного времени они сохраняли свои религиозные, диалектно-языковые и культурные традиции. Акклиматизируясь в новых для себя природно-географических и социальных условиях, большая эта группа недавних переселенцев становилась все более способной влиять на региональный этнорелигиозный ландшафт [16, 26].

По мере заселения территории Томской губернии русскими людьми здесь быстро распространяется православие. Государственно-конфессиональное законодательство к концу XIX в. устанавливало иерархическую систему признаваемых властью религий и религиозных организаций. Главенствующее положение, разумеется, по закону принадлежало Русской православной церкви, более низким статусом обладали так называемые терпимые вероисповедания. Полностью или частично легализованными здесь были римско-католическая, лютеранская, армяно-григорианская, буддистская и иудейская конфессии.

Христиане «терпимых» исповеданий защищались государством от посягательства на их сферу влияния со стороны других религий. За «уклонение» от христианства в любую другую религию предусматривались суровые наказания, как и за отступление от официального православия. К терпимым исповеданиям иногда могли относиться и старообрядцы отдельных согласий. Но при этом «переход в раскол» рассматривался государственной властью как прецедент, опасный не столько в религиозном, сколько в политическом отношении, поскольку подготавливал умы к осознанию возможно-

сти гражданского неповиновения. Наконец, к последней категории относились «нетерпимые» вероисповедания. Их состав законом не был определен четко, но в число «вреднейших» обычно заносились скопцы, молokane, духоворцы, христоверы (хлысты), субботники. В законодательных актах они все именовались «сектантами», ассоциировавшимися со «свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою и других, либо с противонравственными, гнусными действиями» [27. С. 64].

Привилегированный статус РПЦ был закреплён юридически. В своде законов Российской империи в разделе первом «о священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» было прописано, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [28. С. 40].

Занимая среди всех конфессий господствующее положение, православная церковь наделялась правом «убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения». По закону никто не мог препятствовать исповедующим иную веру перейти в православие. За создание препятствий такого рода предусматривалось тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев, а если таковые препятствия сопровождалась угрозами, то до двух лет. Отступление от православной церкви законодательно было запрещено [27. С. 219].

Кроме русских, украинцев и белорусов в Томской губернии православия придерживались цыгане (99,73%), зыряне (коми) (99,9%). В значительно меньшем количестве вероучение Русской православной церкви исповедовали другие этнические группы (немцы – 5,03%, литовцы – 4,29, поляки – 2,39, евреи – 1%) [2. С. 10].

Второе место по численности своих последователей в Томской губернии неслучайно занимало старообрядчество, adeпты которого еще в середине XVII в. отмежевались от РПЦ. В Сибирь их ссылали с самого начала «раскола», и сюда же они часто бежали сами от жестоких гонений со стороны Церкви и государственной власти. Сторонники дониконовского православия были почти во всех этнических группах региона: русские (5,88%), белорусы (4,6%), мордва (2,18%), киргиз-кайсаки (0,78%), латыши (0,41%), татары (0,41%), зыряне (0,27%) и др. [Там же. С. 76–77]. Имперское правительство неоднократно предпринимало попытки религиозной ассимиляции старообрядцев, но положительных результатов эти усилия не давали. В сравнении с другими христианскими исповеданиями правовой статус старообрядческой конфессии был гораздо менее определенным. В одной из статей «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» старообрядцы прямо названы «заблуждающимися», а официальное православие именуется «истинной верой» [27. С. 55]. Хранители традиционалистских церковных обрядов, как известно, считали, что церковная реформа патриарха Никона разрушила не только священную

природу православия, но и самобытность русской культуры.

По данным переписи 1897 г., в рассматриваемый период на территории губернии в общей сложности старообрядцев насчитывалось 99 052 чел., или почти 5,41% [2. С. 19]. Тем не менее сведения относительно этой конфессии вряд ли являлись достоверными. «Алтайский край почти сплошь раскольнический, – констатировал эту коллизию официальный историк “раскола”, профессор богословия императорского Томского университета, протоиерей Д.Н. Беликов, – православные или, по раскольническому выражению, “мирские” составляют здесь редкость, но и они, если только принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой закваской» [29. С. 7, 28]. По сосредоточению старообрядцев различных толков (согласий) регион, вероятнее всего, занимал в XIX в. одно из первых мест во всей России. Однако перепись 1897 г. подобные исторические реалии едва ли могла отражать. Скорее всего, значительное количество «раскольников» игнорировало анкетные опросы. По старообрядческой вере, государственная перепись – это «сеть, уловляющая в царство антихриста», «средство, прикрепляющее к антихристу» [Там же. С. 25]. Гораздо позже во время второй Всероссийской переписи (весна 1917 г.), в условиях революционной свободы старообрядцы Кузнецкого округа все равно ведь отказывались отвечать регистраторам, «ссылаясь на пророка Даниила и Ефрема Сирина, которые предсказывали всеобщую перепись перед концом мира и предостерегали верующих от дачи показаний» [30]. Поэтому есть все основания подвергать сомнению данные переписи 1897 г. о численности старообрядческого населения Томской губернии. На наш взгляд, указанные выше процентные показатели в этом пункте существенно занижены.

Третье место в регионе по численности верующих занимал ислам. В начале XIX в. все томские татары являлись либо мусульманами, либо «крещенами». Вторая группа возникла в ходе русской колонизации Сибири. Так, среди зуштинцев насчитывалось 109 мусульман и 50 православных; среди телеутов – 267 мусульман и 152 православных; среди чатов – 663 мусульманина и 43 христианина [15. С. 102]. Ислам в регионе исповедовали в основном тюркоязычные киргизы (95%) и татары (17,4%), которые вместе составляли в целом 2,09% от всего населения губернии [2. С. 19].

Взаимодействие русского и аборигенного населения, сопровождавшееся ассимиляцией и православной аккультурацией части тюркоязычного населения, к примеру, алтайских кумандинцев [32. С. 22–23], усиливало значимость христианства как доминирующего конфессионального фактора. Но и в результате исламизации этнических тюрков Сибири шло накопление сходных элементов мусульманско-татарского культурного пласта [15. С. 109].

Томская губерния не попадала в черту оседлости евреев, поэтому они могли оказаться здесь только в качестве ссыльных, бывших каторжан, поселившихся

по особому разрешению или вовсе незаконно. Иудейского вероисповедания придерживалось 7 947 чел. или 0,41% населения губернии [2. С. 19]. Находясь в значительном удалении от единоверцев, проживавших в Европейской России, и постепенно утрачивая свои этнические черты, сибирские евреи, тем не менее, стремились придерживаться веры и религиозных традиций предков. Начиная с середины XIX в., когда в регионе строятся разрешенные властью синагоги (в Томске с 1850 г.), а также молитвенные школы («талмуд-торы»), вплоть до конца XIX в. жизнь еврейской диаспоры в регионе была сконцентрирована вокруг сугубо конфессиональных институтов: синагог, духовных правлений, богателен [33. С. 109].

Появление инославных христианских деноминаций в губернии связано с хозяйственным освоением ее территорий. В конце XVIII – середине XIX в. штат горнозаводского ведомства Колывано-Воскресенского округа заполняло большое количество немецких инженеров и чиновников лютеранского и римско-католического вероисповедания. Малочисленность отечественных специалистов горного дела, инженеров и техников, как, впрочем, и нежелание русских дворян служить в Сибири, стали причиной того, что начиная с первых десятилетий существования Колывано-Воскресенских заводов и рудников инженерно-технические кадры набирались в основном из числа иностранных подданных. Преимущественно это выходцы из Саксонии, где существовала Фрейбургская академия, которая была центром подготовки специалистов горного дела. В период становления императорского кабинетского хозяйства иностранные специалисты составляли здесь кадровое ядро аппарата управления. С 1747 по 1799 г. функции руководителя Канцелярии горного начальства и Колывано-Воскресенских заводов выполняли семь человек, пятеро из которых – выходцы из Саксонии (А.В. Беэр, И.Г. Улих, И.С. Христиани, А.А. Ирман и Б.И. Меллер). В конце XVIII в. в штате горнозаводского хозяйства иностранные специалисты составляли 22,2%, а в конце XIX в. – более 10% от общего числа служивших здесь горных инженеров и техников. Главные начальники Алтайских горных заводов и, одновременно, томские гражданские губернаторы В.А. Бекман, Г.Г. Лерхе, А.И. Фрезе придерживались лютеранской веры [34. С. 44–45].

Перепись 1897 г. зафиксировала менее 1% представителей западного христианства: католицизма и протестантизма. В целом по губернии римско-католического исповедания придерживалось 8 977 чел., более 90% поляков и литовцев, а также 81% латышей. Лютеран было 2 129 чел., или 0,11% населения. Протестантами являлись чаще всего этнические немцы (84,55%) и чуть более 10% латышей (17,8%) [2. С. 19].

В Алтайском округе проживало 1 618 представителей протестантизма. Самую большую группу составили лютеране – 1 438 чел., представителей реформаторского направления насчитывалось в округе 166 чел., и

третье место занимали меннониты (14 человек) [2. С. 68–69]. Последователи Менно Сименса стали осваивать губернию активно чуть позже, в период Столыпинской аграрной реформы, расселяясь в основном по равнинной местности юга Западной Сибири – в Кулундинской степи, которая по рельефу и климату очень схожа с местами прежнего проживания.

Около 1,34% населения, или 25 876 чел. округа, относили себя к язычникам (в основном это были тюрки Томского и Кузнецкого уездов), сохранявшие традиционное вероисповедание предков [2. С. 19].

В государственно-конфессиональной политике Российской империи конца XIX в. преобладал вектор, ориентированный на создание унифицированного административного, правового и социокультурного пространства. Активное расширение границ имперского государства, присоединение к нему все новых сопредельных территорий формировали поликонфессиональный массив подвластного народонаселения. В результате на рубеже XIX–XX вв. религиозный ландшафт Томской губернии, как и всей империи, отличался уже большим разнообразием. Здесь этносы «пересекают» религиозные границы, и, наоборот, внутри конфессий вклиниваются представители различных этнических групп.

Массовые миграции XVIII–XIX вв., коррективы в аборигенной политике государства, унификация сословной принадлежности сибирских аборигенов и русских крестьян меняли общий баланс этноконфессиональной ситуации в регионе. Томская губерния превращается постепенно в моноэтническую территорию, где подавляющее большинство составляло уже православно-русское, а не автохтонное, коренное население. Материалы переписи свидетельствуют о том, что на юго-западе Сибири этот процесс намного опережал общероссийскую динамику. В результате православные никониане составляли здесь 90,4%, православные старообрядцы – 5,14, мусульмане – 2,09, римокатолики – 0,47, представители иных нехристианских религий – 1,34%, тогда как в метрополии соотношение конфессий было другим. Самые крупные этнорелигиозные институты в порядке убывания распределялись в Европейской России следующим образом: православные – 69,3%, мусульмане – 11,1, римокатолики – 9,1 и иудеи – 4,2% [2. С. 18].

Достоверность данных Первой всеобщей переписи населения страны, разумеется, можно подвергать сомнению. Технология ее проведения, методика сбора и обработки полученной социальной информации были, действительно, еще несовершенными. Отсутствовали, например, четкие критерии определения конфессиональной и этнической принадлежности респондентов. Субъективными были анкетные сведения об опрашиваемых, которые заметно расходились с показателями текущей официальной статистики и т.д. Вместе с тем данные переписи подтверждают, что к концу XIX в. Россия уже представляла собой «многонародную» им-

перию (vielvoelker Reich, по терминологии А. Каппеллера), в которой динамика эволюции межконфессиональных отношений была увязана с политическим курсом государства на союзную интеграцию присоеди-

ненных народов. При этом имперская власть опиралась на собственные идеологические представления о допустимых границах административного вмешательства в вероисповедные дела населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котельников А. История разработки и производства всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб. : Наша жизнь, 1909. 124 с.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [Санкт-Петербург] : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 27 см. 79: Томская губерния. 1904. [4], XXVI, 246 с.
3. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск : Полиграфия, 1999. 156 с.
4. Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск : Шыгысбаспа, 1999. 113 с.
5. Борщик Н.Д. Население Курской губернии по материалам Всероссийской переписи 1897 г. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2008. № 4–5 (60). С. 35–37.
6. Борщик Н.Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. 2017. № 3 (9). С. 45–53.
7. Жаркенова А.М. Население Казахстана по первой всеобщей переписи населения 1897 г. (демографический анализ) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 23 с.
8. Мамырханова А.М. Казахское население между переписями 1897–1926 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 23 с.
9. Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1999. № 4. С. 32–46.
10. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
11. Рашин А.Г., Водарский Я.Е. Население России за 400 лет: (XVI – начало XX в.). М. : Просвещение, 1973. 160 с.
12. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
13. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане Томской губернии (1880-е годы – февраль 1917 года) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 23 с.
14. Маркова М.Ф. Татары Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: миграционные процессы, численность и расселение // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 100–106.
15. Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110.
16. Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 18 с.
17. Пашкина Т.А. Перепись населения в России: историческая преемственность и новации: Социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003. 18 с.
18. Воропаева С.С. Порядок составления списков населенных мест для Первой всеобщей переписи населения 1897 года // Документ: история, теория, практика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 224–226.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. 20 февраля – 4 марта 2012. 499–500. URL: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=44 (дата обращения: 28.11.2017).
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Города и поселения в уездах имеющие 2000 и более жителей. СПб. : Паровая типо-литогр. Н.Л. Ныркина, 1905.
21. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул : Книга, 1990. С. 98–119.
22. Скубневский В.А. Купечество Сибири по материалам переписи 1897 г. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. С. 45–54.
23. Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань : Мастер-Лайн, 1998. С. 170–175.
24. Скубневский В.А. Население Алтая по данным переписи 1897 г. // Образование и социальное развитие региона (Барнаул). 1998. № 1. С. 99–106.
25. Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Вып. 1. 198 с.
26. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Политика Российского государства по контролю за религиозной жизнью мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 338–346.
27. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Разд. 1. Гл. 3. От. 3. СПб. : Изд. Мин-ва внутр. дел, 1857.
28. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Разд. 1. СПб. : Изд. Мин-ва внутр. дел, 1857.
29. Беликов Д.Н. Томский раскол. Исторический очерк с 1834 по 1880-е гг. Томск : Паровая типо-литогр. П.И. Макушина, 1901. 247 с.
30. Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск : Типо-литогр. Том. Линот-дела Сиббоса, 1923. 95 с.
31. Габриков Я.Е., Дин Ю.И. Материалы переписей 1890, 1897, 1920 годов как источники по истории Сахалина // XIX Чеховские чтения : материалы регион. науч. конф., 28–29 января 2016 года / Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области; Литературно-художественный музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». Южно-Сахалинск : Москва : Перо, 2016. С. 85–96.
32. Этнокультурное взаимодействие в Евразии : в 2 кн. / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. В.А. Тишкова. М. : Наука, 2006. Кн. 1. 466 с.; Кн. 2. 342 с.
33. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX века. СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.
34. Гербер О.А. Иностранцы-специалисты как источник формирования инженерно-технических кадров Кольвано-Воскресенских заводов (1744–1800 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11, ч. 3. С. 43–47.

Evgenie. M. Gostyusheva. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: altmpsi@mail.ru

Vyacheslav A. Dolzhikov. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: dolshikov@yandex.ru

THE CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE TOMSK PROVINCE ACCORDING TO THE FIRST RUSSIAN CENSUS OF 1897

Keywords: ethno-religious landscape; confessions; Tomsk province; All-Russian population census.

The article presents an analysis of confessional structure of the population of the Tomsk province on the first general population census of 1897. Authors trace top trends of formation of the religious landscape of the region, which developed by the end of the 19th century.

The research is based on a wide range of sources: normative legal acts (state-confessional legislation in general and rule-making on the organization of the first general census of the country). The second group – statistical materials of results of a census. The above-named category is supplemented significantly by regional official printing publications in which data on the religious list of residents of the Tomsk province and its cities were published. The separate group is represented by archive materials of the Russian state historical archive, the State archive of the Tomsk region, the State archive of Altai Krai.

By the end of the 19th century at the legislative level the accurate hierarchy of faiths was built. The dominant position was held by orthodox christianity whose legal status was enshrined in the highest regulations. At the second step there were “tolerant” religions. The third place was taken by sects and “intolerant” confessions. Political-legal and social-economic development of the Russian Empire in the second half of the 19th century required the elimination of marginal isolation, unification of most aspects of public, including religious, life. The results of a census confirmed process of christianization of the population of the empire (orthodox - 69.3%, muslims – 11.1%, rimo-catholic – 9.1%).

The superiority of followers of Russian orthodox Church was shown by statistical data on the Tomsk province as well. Followers of official orthodoxy in the region made 90.4%. The superiority in strength of orthodox christians in comparison with the all-Russian statistics (69.3%) visually characterizes church state policy on the outskirts of the empire: use of the state traditional institutes of religion as the instrument of impact on processes of formation of religious identity of ethnic groups, christianization of the autochthonic population and regulation of difficult interreligious communications on places.

Distinctive feature of the Tomsk province was accommodation of a large number of opponents of the reforms by Nikon (5.14%). Western Siberia became the place where from the first decades of existence of split (raskol), in search of the country of freedom of Belovodye his first follower began to be proved. On concentration of Old Believers of various branches (soglasia) the region was high on the list in the 19th century in all Russia. The third place belonged to muslims (2.09%), presented by generally Turkic-speaking Kyrgyz and Tatars. Mass migrations of the 18-19th centuries, state policy on not orthodox and non-christian religions, amendments in the native policy of the state changed balance of an ethnoconfessional situation in the region where the vast majority made already orthodox population.

REFERENCES

1. Kotelnikov, A. (1909) *Istoriya razrabotki i proizvodstva vseobshchey perepisi naseleniya 28-go yanvarya 1897 g.* [History of the development and production of the general population census on January 28, 1897]. St. Petersburg: Nasha zhizn'.
2. Troynitsky, N.A. (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First General Census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.
3. Alekseenko, N.V. & Alekseenko, A.N. (1999) *Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997 gg.)* [The population of Kazakhstan for 100 years (1897–1997)]. Ust-Kamenogorsk: Poligrafiya.
4. Alekseenko, N.V. (1999) *Statisticheskie istochniki po demografii Kazakhstana* [Statistical sources on the demography of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk: Shygyssbasa.
5. Borshchik, N.D. (2008) The Population of the Kursk Region according to the Materials of All-Russian Census of the Population in 1897. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – The News of Altai State University. History.* 4(5). pp. 35–37. (In Russian).
6. Borshchik, N.D. (2017) The first all-Russian population census of 1897. Record keeping and document management. *Vestnik RGGU. Ser. Dokumentovedenie i arkhivovedenie – RSUH Bulletin. Records Management and Archival Studies.* 3(9). pp. 45–53.
7. Zharkanova, A.M. (2002) *Naselenie Kazakhstana po pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g. (demograficheskiy analiz)* [Population of Kazakhstan according to the First General Census of 1897 (the demographic analysis)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
8. Mamyrkhanova, A.M. (2002) *Kazakhskoe naselenie mezhdru perepisyami 1897–1926 gg.* [Kazakh population between the censuses of 1897–1926]. Abstracts of History Cand. Diss. Almaty.
9. Morozov, S.D. (1999) *Naselenie Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [The population of Russia at the turn of 19th–20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya.* 4. pp. 32–46.
10. Pronin, V.I. (1981) *Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.)* [The population of Siberia during 50 years (1863–1913)]. *Istoriya SSSR.* 4. pp. 50–69.
11. Rashin, A.G. & Vodarskii, Ya.E. (1973) *Naselenie Rossii za 400 let: (XVI – nachalo XX v.)* [The population of Russia over 400 years (the 16th – early 20th centuries)]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development. The 19th–early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Markova, M.F. (2008) *Tatary-musul'mane Tomskoy gubernii (1880-e gody – fevral' 1917 goda)* [The Tatar Muslims of Tomsk province (the 1880s – February 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
14. Markova, M.F. (2010) *Tatary Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: migratsionnye protsessy, chislennost' i rasselenie* [The Tatars of Tomsk province in the late 19th – early 20th century: migration processes, number and settlement]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Studies in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 100–106.
15. Sherstova, L.I. (2013) Turkic population of Tomsk province at the turn of the 20th century: administrative structure, ethnic and religious processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 369. pp. 108–110. (In Russian).
16. Shershneva, E.A. (2003) *Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoy gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noy politiki Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The situation of the Muslim communities in Tomsk province in the context of the state and religious policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
17. Pashkina, T.A. (2003) *Perepis' naseleniya v Rossii: istoricheskaya preemstvennost' i novatsii: sotsiologicheskii analiz* [Population census in Russia: historical continuity and innovations: a sociological analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Saratov.
18. Voropaeva, S.S. (2012) *Poryadok sostavleniya spiskov naselennykh mest dlya Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 goda* [The procedure for compiling lists of populated areas for the First General Population Census of 1897]. In: Kharus, O.A. (ed.) *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: history, theory, practice]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 224–226.
19. Anon. (2012) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku, guberniyam i oblastyam* [The First General Census of the population of the Russian Empire in 1897. The distribution of the population by native language, provinces and regions]. *Demoskop Weekly.* 499–450. [Online] Available from: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php. (Accessed: 28th November 2017).
20. Troynitsky, N.A. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Goroda i poseleniya v uездakh imeyushchie 2000 i bolee zhiteley* [The First General Census of the Russian Empire in 1897: towns and villages in counties with 2,000 or more inhabitants]. St. Petersburg: N.L. Nyrkin.
21. Skubnevsky, V.A. (1990) *Gorodskoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g.* [The urban population of Siberia according to the 1897 Census]. In: Skubnevsky, V.A. (ed.) *Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy v Sibiri* [Problems of the genesis and development of capitalist relations in Siberia]. Barnaul: Kniga. pp. 98–119.

22. Skubnevsky, V.A. (1997) Kupechestvo Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Siberian merchantry according to the 1897 Census]. In: Skubnevsky, V.A. et al. *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia]. Issue 2. Barnaul: Altai State University. pp. 45–54.
23. Skubnevsky, V.A. (1998) Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [The Polish population in Siberia according to the Census of 1897]. In: Valeev, R.M. & Sharifzhanov, I.I. (eds) *Pol'skaya ssylka v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsentry* [The Polish exile in Russia of the 19th – 20th centuries: regional centers]. Kazan: Master-Layn. pp. 170–175.
24. Skubnevsky, V.A. (1998) Naselenie Altaya po dannym perepisi 1897 g. [The population of the Altai Republic according to the census of 1897]. *Obrazovanie i sotsial'noe razvitiye regiona (Barnaul)*. 1. pp. 99–106.
25. Shilovsky, M.V. (ed.) (2003) *Sibirskie pereseleniya. Dokumenty i materialy* [Siberian resettlement. Documents and materials]. Issue 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Dashkovsky, P.K. & Shershneva, E.A. (2015) The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Bylye Gody – Russian Historical Journal*. 36(2). pp. 338–346. (In Russian).
27. Russian Empire. (1857a) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 14. St. Petersburg: Ministry of Interior.
28. Russian Empire. (1857b) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Ministry of Interior.
29. Belikov, D.N. (1901) *Tomskiy raskol. Istoricheskiy ocherk s 1834 po 1880-e gg.* [The Tomsk Split. A historical essay from 1834 to 1880]. Tomsk: P.I. Makushin.
30. Tomsk Guberniya Statistics Committee. (1923) *Spisok naseleennykh mest Tomskoy gubernii: po dannym pozdneyshikh perepisey (1910, 1917 i 1920 gg.)* [List of settlements in Tomsk province: according to the latest censuses (1910, 1917 and 1920.)]. Tomsk: Tomsk Linotdela Sibopsa.
31. Gabrikov, Ya.E. & Din, Yu.I. (2016) [The censuses of 1890, 1897, 1920 as the sources of the history of Sakhalin]. *XIX Chekhovskie chteniya* [The 19th Chekhov Readings]. Proc. of the Regional Conference. January 28–29, 2016. Yuzhno-Sakhalinsk; Moscow: Pero. pp. 85–96. (In Russian).
32. Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. & Tishkov, V.A. (2006) *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]. Moscow: Nauka.
33. Shaydurov, V.N. (2013) *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX veka* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: The Neva Institute of Language and Culture.
34. Gerber, O.A. (2015) Foreign experts as a source of formation of engineering and technical personnel of Kolyvan-Voskresensk plants (1744–1800). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 11(3). pp. 43–47. (In Russian).